

УДК 327

КОАЛИЦИЯ ВНУТРИ КОАЛИЦИИ: СТРАНЫ БАЛТИИ В ЕВРОСОЮЗЕ

И. М. Бусыгина*
С. А. Климович**

Рассматривается в целом проблематика малых стран, в частности их поведение в составе коалиций и склонности к фрирайдерству. Утверждается, что для реализации собственной повестки и увеличения значимости в больших объединениях малые страны склонны создавать «коалиции внутри коалиций», в то же время выступая в роли фрирайдеров, передавая издержки и политическую ответственность за принимаемые решения более крупным игрокам. Такая асимметричная стратегия позволяет малым странам обеспечить успешную реализацию своих интересов в больших альянсах и при этом экономить ресурсы. Наш аргумент мы проверяем на поведении малых государств Балтии внутри Европейского союза, показывая, что Литва, Латвия и Эстония сформировали устойчивую малую коалицию в ЕС и, кроме того, активно включились в создаваемые ad hoc коалиции по принятию решений в рамках Союза с участием крупных стран-лидеров. Такую стратегию страны Балтии использовали при решении вопроса о беженцах. При этом в других сферах эти государства пользуются преимуществами фрирайдерства.

* Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
119454, Россия, Москва,
проспект Вернадского, 76

** Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)
101000, Россия, Москва,
ул. Мясницкая, 20.

Поступила в редакцию 10.12.2016 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2017-1-1

© Бусыгина И. М., Климович С. А.,
2017

Ключевые слова: малые страны, коалиции, фрирайдерство, страны Балтии, Европейский союз

Введение

Объединение ресурсов для решения общих проблем мотивирует государства к формированию коалиций, роль которых в мире постоянно растет. При этом особенно сильны стимулы к коалиционному взаимодействию у малых стран: они стремятся либо сформировать коалицию, либо присоединиться к

уже существующим, а в целом их поведение в составе коалиции (альянса) отличается от поведения крупных игроков, что проявляется, в частности, в их повышенных склонности и возможностях для фрирайдерства.

Однако, если мы имеем дело с коалицией, состоящей из многих стран-членов, отличия между которыми, а соответственно, и различия их интересов, чрезвычайно велики, можно предположить, что внутри такого альянса тоже будут формироваться коалиции — как непостоянные, сложившиеся для решения какого-либо определенного вопроса, так и более постоянные, институционализированные, выстроенные, в частности, странами, расположенными по соседству. В последнем случае малые государства, кооперируясь друг с другом либо с более крупным игроком, получают больше шансов для проведения выгодного им общего решения.

Таким образом, нашим центральным аргументом стал следующий: вступая в альянсы, малые государства получают двойную выгоду: от возможного фрирайдерства (что позволяет экономить ресурсы, но не влиять на результат, т. е. общее решение) и от формирования коалиций внутри альянсов (что позволяет повышать вероятность появления желаемого решения). Наш аргумент мы проверяем на поведении малых стран Балтии внутри Европейского союза.

Малые страны: открытость, уязвимость и фрирайдерство

Подъем академического интереса к малым государствам как особому исследовательскому объекту был обусловлен масштабными политическими процессами: в 70-е годы XX века это был процесс деколонизации, в 90-е — распад «социалистического лагеря» и расширение ЕС за счет малых стран Центральной и Восточной Европы [1—4]. Как утверждают Нойманн и Гштоль, в контексте международных отношений исследования малых государств могут быть релевантны при изучении характера их принципиально ограниченных возможностей (*capabilities*), институтов (*institutions*) и взаимоотношений между государствами (*relations between states*) [5]. Однако еще более интересен вопрос о том, какие стратегии используют малые страны для смягчения последствий своих структурных ограничений. Иными словами, речь идет о том, какие политики могут проводить эти страны для сокращения «последствий» малого размера и ограниченности ресурсов. Выясняется, что таких стратегий и политик немало. Так, малые страны могут взять курс на отказ от (взаимо)зависимости (т. е. «закрывать систему», реализуя стратегии автаркии и изоляционизма) или стремиться избежать усиления зависимости от внешнего мира, проводя селективную внешнюю политику (и тем самым экономя ресурсы) или же специализируясь в мировом разделении труда на определенной группе товаров, при этом расширяя круг торговых партнеров. Принципиально иной стратегией будет интеграция и активное участие в коалициях, в том числе полити-

ческих. Следует отметить, что специфические стратегии поведения малых стран относятся не только к внешней политике, но и к внутренней, где опции включают консоциативную демократию, федерализм и корпоратизм.

Малые государства принципиально отличаются от крупных. И дело не только в размере территории и масштабе их деятельности, утверждает Катценштайн; более важно то, что одним из основных мотивов, определяющих их действия, является чувство уязвимости — политической и экономической [6, р. 10—11]. Соответственно, политической стратегией малых государств будет большая (по сравнению с крупными государствами) либерализация и большая гибкость и способность к адаптации и более быстрый процесс обучения [6, р. 12]. Так, по мнению Катценштайна, именно способность к обучению и адаптации к быстро меняющемуся миру исключительно важны для понимания высоких темпов развития и уровня благосостояния малых европейских государств [6, р. 18]. В то же время (вынужденная) экономическая открытость и уязвимость в отношении к внешним вызовам как следствие контроля над относительно небольшими ресурсами повышают вероятность и масштаб потерь для малого государства по сравнению с крупным.

Следовательно, малые государства будут более склонны к формированию коалиций или вступлению в уже существующие; членство в альянсах потенциально должно позволить малым странам разделить бремя потерь между участниками коалиции и/или более успешно отвечать на внешние вызовы, действуя в группе. Иными словами, действуя в составе коалиции, малые страны получают больше шансов сформировать и реализовать успешную политику в отношении изменяющихся внешних условий и проводить решения, которые они были бы не в состоянии проводить, действуя независимо. Райтер считает главной объясняющей того, что малые государства вступают в альянсы с великими державами, индивидуальный опыт этих государств и утверждает, что «эффекты прошлого» и индивидуальный опыт играют более важную роль для малых государств по сравнению с крупными при выборе коалиции [7, р. 120].

Алезина и Сполаоре используют иные аргументы: они доказывают, что малый размер государства не только выгоден его гражданам, но и «естественен» в глобальном мире. Их центральный тезис состоит в том, что либерализация международной торговли и экономическая интеграция приводят к тому, что постепенно несостоятельным оказывается основное преимущество большого размера страны — большой внутренний рынок [8]. «В условиях свободной торговли, — пишут Алезина и Варшарг, — даже малая страна будет иметь большой рынок — весь мир» [9, р. 15]. Связь между экономическими границами (т. е. величиной рынка) и политическими исчезает, соответственно, сокращается «оптимальный» размер страны. Региональные, культурные, лингвистические группы могут пользоваться преимуществами политической независимости и не делить общую повестку, политики и институты с группами, чьи предпочтения принципиально отличаются ради доступа к более емкому внутреннему рынку [10].

Эта аргументация тем более верна для пространства Европейского союза, где экономическая интеграция не только намного опередила политическую, но и достигла беспрецедентной глубины. Тем не менее одно уточнение следует сделать. Предпосылкой вышеизложенной аргументации стал высокий уровень конкурентоспособности малой страны, который и дает ей возможность использовать преимущества экономической интеграции. Однако в том случае, если по уровню конкурентоспособности малая страна уступает тем государствам (крупным и малым), с которыми она взаимодействует на свободном рынке, ее издержки могут возрасти, а в стране могут (и будут) появляться новые группы проигравших — те, которые были защищены при прежнем уровне протекционизма и которые потеряли эту защиту при выходе страны на свободный рынок. Так, именно с такими группами проигравших и их сопротивлением столкнулись национальные элиты Балтийских стран после принятия решения о вступлении в Евросоюз и старта необходимых для этого реформ.

Исследователи сходятся в одном: по тем или иным причинам малые государства будут стремиться либо сформировать коалицию, либо присоединиться к уже существующим. При этом в целом их поведение в составе альянса будет отличаться от поведения крупных игроков, и, как можно предположить, одной из манифестаций этих отличий будет повышенная склонность малых государств к фрирайдерству.

В своей широкоизвестной работе «Подъем и падение наций» Мансур Олсон убедительно доказывает универсальную тенденцию к фрирайдерству [11]. Так, страны вступают в альянсы с целью объединения ресурсов для решения общих проблем. При этом, как доказывают Олсон и Зекхаузер, альянс предоставляет своим членам обязательные и неотъемлемые блага, за которые члены коалиции не должны конкурировать, поскольку блага получают все члены [12]. Однако расходы на поддержание этих благ, прежде всего безопасности, распределены неравномерно между членами альянса: крупные члены несут большие (по сравнению с малыми) расходы, например на оборону. Между тем чем меньше член альянса, тем меньше расходов он несет, становясь фрирайдером. Стимулы для фрирайдерства малых стран объясняются, в частности, тем, что «недопоставка» расходов малым членом альянса не окажет значимого эффекта на общую способность альянса к обороне, в то время как то же самое поведение крупного члена, тем более гегемона, будет гораздо более заметно. В литературе вопрос о фрирайдерстве малых государств наиболее хорошо проработан в отношении НАТО: жалобы относительно фрирайдерства европейских стран за счет США имеют почти столь же давнюю историю, как и сама эта организация [13].

Что касается фрирайдерства малых государств в Евросоюзе, то здесь мнения исследователей расходятся. Так, по утверждению Чалмерса, ЕС демонстрирует существенный «уклон» в сторону малых стран (*small-state bias*) в отношении общей политики безопасности, что, по сути, и означает их фрирайдерское поведение [14]. Иной точки зрения придерживаются Доруссен, Кирхнер и Шперлинг: они убедительно

доказывают, что в Евросоюзе риск фрирайдерства в сильной степени ассиметричен и варьируется в зависимости от сферы и/или политики. Там, где риск фрирайдерства высок, крупные страны-члены ЕС стоят перед выбором: они могут либо возложить издержки на группу крупных стран-членов, которые и будут в дальнейшем определять политику ЕС на этом направлении, или же крупные страны могут институционализировать сотрудничество таким образом, чтобы фрирайдерство малых членов было бы минимальным. Последнее возможно при так называемом разделении обязанностей между малыми и крупными странами-членами. К примеру, малые государства действуют в области поддержания порядка и защиты населения (если речь идет о внешних операциях ЕС), в то время как за крупными «закреплены» военные действия и силовое принуждение. Таким образом, фрирайдерство малых стран в ЕС, безусловно, возможно, однако не представляет собой серьезной проблемы, в частности для обеспечения общей безопасности [15]. Что же касается малых стран ЕС, расположенных по границам Союза, то возможное фрирайдерство оказывается им попросту невыгодным; более выгодной стратегией для них будет воздействие на формирование политики ЕС в отношении соседних с ними стран/регионов с целью сделать ее наиболее близкой их приоритетам [16, р. 67].

Следует отметить, что украинский кризис серьезно сократил стимулы для фрирайдерства у малых государств ЕС, особенно расположенных в непосредственной близости от России. Так, до 2014 года восточноевропейские государства-члены ЕС фактически были избавлены от необходимости вложений в собственную политику безопасности, полагаясь на гарантии со стороны НАТО и Евросоюза. Из трех Балтийских государств только Эстония делала относительно крупные инвестиции в военную сферу, правительства Латвии и Литвы считали внешние угрозы недостаточно серьезными для того, чтобы предпринимать значимые шаги на этом направлении [17]. Кризис привел к фундаментальному изменению ситуации: если раньше ситуация не только допускала, но способствовала фрирайдерству, обеспеченному членством в НАТО и ЕС, то сегодня прежнее «пренебрежение безопасностью» оборачивается возрастанием политических, экономических и военных издержек и расходов для малых стран ЕС [17, р. 7]. Кроме того, кризис вывел на поверхность дилемму малых стран, которую можно описать как «сопротивляться или примкнуть к победителю» (*balance-or-bandwagon dilemma*), которая традиционно обостряется для малых государств в период конфронтации между крупными державами [17, р. 2].

Коалиции внутри ЕС: выбор малых стран

Даже не будучи знакомым со спецификой функционирования Евросоюза, количество стран-членов в его составе и широта внешней и внутренней повестки дает возможность предположить, что внутри ЕС вероятно формирование коалиций (*intra-EU alliances*). Действительно,

мы знаем, что различие внешних географических приоритетов стран-членов ЕС ведет к тому, что «двигателем» многих внешних инициатив Евросоюза выступает одно государство, особенно заинтересованное в развитии отношений именно на этом направлении, при этом для достижения этой цели данная страна-член формирует коалицию с другими государствами. Так было при выдвижении Финляндией инициативы «Северное измерение» и создание ею коалиции, включающей Скандинавские страны ЕС и Германию, или польская инициатива, получившая впоследствии название «Восточное партнерство», когда Польша действовала в тандеме со Швецией. Многие исследователи согласны с тем, что самыми масштабными коалициями внутри Евросоюза до расширения 2004 года были «северная» и «южная», что способствовало появлению глубокого раскола между севером и югом ЕС относительно видения путей развития интеграционного процесса в Европе [18—22].

Строительство альянсов позволяет объединить ресурсы нескольких игроков и увеличить выгоды посредством проведения многосторонних переговоров и торгов для достижения общей позиции. Стимулом для такого строительства выступает общий интерес, при этом понятно, что со временем у какого-то игрока (или игроков) расчеты и восприятия своего интереса могут меняться, что ведет к реформатированию коалиции, изменению ее состава или распаду. Блавуко и Пагуталос показывают это на примере «Южного блока» (его еще иногда называют «Средиземноморским»), включающим Испанию, Грецию и Португалию [23]. Эти государства присоединились к ЕС почти одновременно, все после крушения прежней политической системы и строительства новой — демократической, причем членство в ЕС должно было выступать внешним фактором легитимации новой системы. Первоначальным намерением трех стран было создание стабильной коалиции внутри ЕС, однако с течением времени их интересы существенно разошлись и уровень внутренней сплоченности в коалиции значительно сократился. Впоследствии происходящее напоминало движение маятника: от расхождения к конкуренции, затем к согласию и коалиции и обратно. Торхаллссон подвергает сомнению существование стабильных коалиций внутри ЕС в принципе: на примерах принятия решений по Общей сельскохозяйственной политике ЕС (особенно важного направления для всех малых стран ЕС) и распределению средств Структурных фондов он доказывает, что за исключением стран Бенилюкс и германо-французского тандема стабильных коалиций в ЕС не существует [24]. Не подвергая сомнению вывод Торхаллссона, стоит, однако, отметить, что он основывается на анализе лишь двух направлений политики ЕС. Кроме того, за последние 15 лет количество стран-членов ЕС возросло почти в два раза — с пятнадцати до двадцати восьми.

Как пишет Клеменчич, коалиционное поведение стало неотъемлемой частью процесса принятия решений в ЕС [25]. Альянсы бесполезны при процедуре единогласного голосования, когда каждая страна-член ЕС имеет один голос в Совете и может заблокировать решение, то

есть является вето-игроком. Однако лишь около 30 % решений Совета принимаются по этой процедуре [26, р. 95]. Если же, как в большинстве случаев, решения Совета принимаются в соответствии с процедурой квалифицированного большинства, то предварительные договоренности и формирование коалиций имеют важное значение: посредством агрегирования голосов они позволяют странам-членам сформировать либо коалицию, блокирующую решение, либо же коалицию, достаточную для его принятия [27; 28]. Такие альянсы — это краткосрочные соглашения о сотрудничестве по определенному вопросу (*ad hoc coalitions*) и низким уровнем институционализации. Однако помимо краткосрочных коалиций, исследователи выделяют внутри Евросоюза более прочные коалиции, обладающие значительным уровнем институционализации, определенной структурой сотрудничества, высокой частотой взаимодействия и развитой системой внутренней координации [29]. Такие альянсы часто формируются на основе географической близости стран-членов, например Бенилюкс, Вышеградская группа, Северо-Балтийская коалиция. Обратим внимание на то, что все вышеперечисленные коалиции почти полностью сформированы малыми странами Евросоюза.

В отличие от крупных стран-членов ЕС, которые формируют свои приоритеты по всему списку повестки Союза, малые страны (в силу ограниченности ресурсов) концентрируют свои интересы внутри ЕС более направленно, т. е. по ограниченному кругу вопросов. Однако именно малый размер позволяет им четко обозначивать свои приоритеты и отстаивать их, проводя более гибкую политику по другим вопросам. Малые страны служат важной опорой Комиссии, «мотора» европейской интеграции, в то время как крупные страны-члены зачастую выступают против инициатив Комиссии [6, р. 25]. Кроме того, «сила» малых стран в ЕС существенным образом зависит от их способности формировать коалиции [29, р. 1] и в дальнейшем поддерживать их, находя компромиссы между участниками. Формируя и поддерживая коалиции, малые страны делают существенный шаг вперед в продвижении своих интересов: от выгод пассивного фрирайдерства к проактивной защите своих интересов в Евросоюзе.

Любопытные выводы делает Русе, исследуя природу Северо-Балтийской (Nordic-Baltic) институционализированной коалиции в ЕС. Становление и развитие этого альянса проходило в несколько стадий, коалиция первоначально «выросла» из сотрудничества государств Северной Европы. После присоединения трех Прибалтийских стран к Евросоюзу в 2004 году центр регионального сотрудничества переместился с севера Европы к Балтийскому морю, что было естественно, принимая во внимание геополитическую ситуацию в Европе после «большого расширения». С этого времени начинается тесное сотрудничество шести государств — Швеции, Финляндии, Дании, Эстонии, Латвии и Литвы при неформальном лидерстве Швеции. Формат этого сотрудничества стал известен как NB6. В отличие от Бенилюкс формат NB6 не предусматривал никакого формального соглашения между государ-

ствами и базировался скорее на «традиции консультироваться с партнерами» [29, р. 7]. Наиболее впечатляющим успехом Северо-Балтийской коалиции стало принятие Стратегии развития Балтийского моря (Baltic Sea strategy) как инициативы Евросоюза и одновременно новой модели макрорегиональной стратегии ЕС, направленной на координацию политик ЕС в регионе. Стратегия объединяет восемь стран-членов ЕС — Швецию, Финляндию, Данию, Эстонию, Латвию, Литву, Польшу и Германию (это сотрудничество получило название NB6+2), а также партнеров, расположенных вне ЕС, — Россию, Норвегию и Исландию [29, р. 11]. Положительное заключение Совета по Стратегии, пролоббированное коалицией NB6+2, показало ее эффективность и способность малых стран конвертировать свои интересы и предпочтения в реальную повестку Евросоюза [29, р. 12].

Страны Балтии в Европейском союзе

После принятия окончательного решения о государственном суверенитете и выхода из состава СССР перед странами Балтии (Литвой, Латвией и Эстонией) встал непростой выбор — определение вектора дальнейшего становления в качестве независимых и самостоятельных акторов международных отношений. Учитывая малый размер этих государств и их геополитическое положение, три стратегии внешней политики Балтийских стран были наиболее вероятны: а) сохранение нейтралитета и невступление в полноценные институциональные объединения ни на Западе, ни на Востоке; б) присоединение к западному блоку; в) участие в различных формах меж- и надгосударственного сотрудничества с Россией и другими постсоветскими странами.

Андрес Казекамп отмечает, что именно первая, так называемая финская, модель казалась наиболее очевидной для бывших Прибалтийских республик [30, р. 18]. Эта стратегия позволяла сравнительно небольшой Финляндии в годы холодной войны успешно сохранять на достойном уровне отношения со странами Запада и в то же время развивать экономические и культурные связи со своим крупнейшим соседом — Советским Союзом, в котором в том числе проживала значительная финская диаспора и родственные ей финно-угорские народности Карельской АССР. Однако Балтийские страны уже имели печальный опыт 1939—1940-х годов, когда их формальный нейтралитет в условиях противостояния между двумя системами — советской и германской — в результате договоренностей между противниками был погран еще до войны (контроль Германии над Мемелем и включение прибалтийских государств в состав СССР). А по итогам Второй мировой войны государственный суверенитет Литвы, Латвии и Эстонии и вовсе был ликвидирован посредством включения этих стран в состав Советского Союза. Подобный «эффект прошлого» во многом обусловил невозможность выбора Балтийских стран в пользу полноценного нейтралитета. Отсюда возникают дополнительные стимулы для выбора стратегии интеграции

в качестве внешнеполитической парадигмы указанных стран и их включения в коалицию — либо на Западе, либо на Востоке.

Одним из вариантов для будущей интеграции Литвы, Латвии и Эстонии в более крупное объединение могло стать дальнейшее развитие и интенсификация отношений с Россией. Позитивный фон для данной опции создавался за счет активных демократических преобразований в бывшей метрополии и общее для лидеров этих стран неприятие авторитарного советского строя. Этому же способствовали глубокие хозяйственные связи и экономическая взаимозависимость бывших союзных республик, доставшиеся в наследство от советской командно-административной экономики. Тем не менее в перспективе это сотрудничество могло бы привести к тому, что Андрис Озолинс называет зависимостью от одной страны (*unilateral dependence* [31]), при которой и экономика, и политика Литвы, Латвии и Эстонии оказались бы полностью завязаны на Россию. А накопленный за советский период негативный опыт такой зависимости от России постоянно подогревал недоверие и опасения со стороны Прибалтийских стран за свою безопасность и суверенитет в рамках потенциальной расширенной и глубокой кооперации с восточным соседом [32, р. 4].

Поэтому наиболее успешной стратегией для поддержания независимости стран Балтии становится вовлечение в максимальное число международных организаций и институциональных объединений, мощнейшим из которых стал Европейский союз. В этом случае потенциальная *unilateral dependence* заменяется на многостороннюю зависимость (*pluralistic dependence*) от ряда акторов, при которой ни один из них не выступает в роли гегемона, а значит, минимизируются риски для суверенитета этих стран [31]. Сомнения в правильности выбранного пути практически отпали к середине 1990-х годов, когда и Швеция, и «нейтральная» в прошлом Финляндия окончательно присоединились к ЕС. С этого момента интеграция Литвы, Латвии и Эстонии в западный мир и их вступление в Евросоюз становится лишь вопросом времени.

Собственно, именно в этот период складывается «балтийская идентичность», имеющая наднациональный характер. Примечательно, что в начале пути, учитывая разный уровень экономического развития и успешности проведения рыночных преобразований, Литва, Латвия и Эстония находились в состоянии «регаты» [30, р. 20]. Поскольку экономики этих стран шли на разных скоростях, уверенность в том, что они смогут одновременно и оперативно вступить в ЕС, отсутствовала, а намерения ждать отстающих не возникало, каждая из них боролась за членство в ЕС своими силами. При этом Эстония, исторически близкая к Финляндии, скорее стремилась примкнуть к числу северных стран. Литва, напротив, наблюдая за значительным прогрессом центрально-европейских государств в вопросе вступления в НАТО, готова была причислить себя к ним.

Вместе с тем общее прошлое и сходство нового институционального дизайна политических систем [30, р. 23] стран Балтии возобладали над ситуативными различиями: все три страны одновременно завершили

ли переговоры о вступлении в ЕС в 2002 году, провели референдумы, заручившись поддержкой своих граждан, и 1 мая 2004 года стали полноправными членами Европейского союза. Взаимодействие Балтийских стран в рамках подготовки к членству в ЕС и их совместная интеграция в общеевропейские институты создали основу для формирования «балтийской идентичности» — устойчивой и в определенной степени институционализированной коалиции.

Будучи политическими и экономическими «карликами» в составе ЕС, страны Балтии с самого начала были вынуждены искать возможности для участия в коалициях внутри Союза, то и дело примыкая к его лидерам. Таким образом, они и постепенно увеличивали свой политический капитал в качестве надежного партнера для «локомотивов» Союза при принятии решений. В то же время такой подход позволял им успешно продвигать собственные региональные, в том числе и внешнеполитические, интересы. Так, страны Балтии активно выступали за дальнейшее расширение ЕС, за политику ассоциации с другими постсоветскими странами, что открывало для них новые возможности для реализации собственного экономического потенциала и наращивания «политического веса» во взаимоотношениях с соседями. Вступая в коалиции по этим вопросам, Литва, Латвия и Эстония поддерживали большинство с участием Германии в противовес некоторым старым западноевропейским членам ЕС, еще более активно демонстрируя свою лояльность. С момента вступления в Европейский союз Балтийские страны лишь единожды использовали право вето, т.е. отказались от участия в коалиции большинства, когда они заблокировали переговоры по новому Соглашению о партнерстве и сотрудничестве России и ЕС в 2008 году [30, р. 30; 33, р. 139].

Пример утверждения малых государств Балтии (Литвы, Латвии и Эстонии) в институтах ЕС показывает, что наиболее успешной стратегией защиты интересов малой страны в крупных надгосударственных объединениях становится сочетание двух важнейших составляющих:

1) создание и поддержание устойчивой и внутренне когерентной коалиции со своими соседями (такими же малыми странами), т.е. в нашем случае — той самой «балтийской идентичности», трансформирующейся в реальные согласованные решения всех трех участников этой коалиции в отношении внешних вызовов. При этом хорошим основанием для такого альянса выступает общность (особенно географически обусловленных) интересов;

2) проактивное участие этой коалиции в потенциальных *ad hoc* альянсах, формирующихся с участием стран-лидеров Евросоюза в процессе подготовки решений и в преддверии голосования по определенным вопросам. Это позволяет малым странам одновременно закрепиться в статусе надежного партнера для крупных государств и зачастую обеспечить включение собственных положений в общую повестку коалиции победителей.

Подобная стратегия выживания малых стран в ЕС наиболее показательна в кризисных ситуациях, когда достижение договоренностей значительно затруднено, выгоды от участия в коалиции неочевидны, а риски, напротив, велики. Именно такой ситуацией для стран Балтии стала разработка и принятие Европейским советом решения по размещению беженцев в Европе в 2015 году. За время дискуссий позиция Литвы, Латвии и Эстонии претерпела серьезные изменения, но в конечном счете эти страны присоединились к *ad hoc* коалиции большинства, синхронно проголосовав за введение системы квот на размещение беженцев в странах ЕС, тем самым подтвердив свою приверженность вышеописанной стратегии «двойной» коалиции.

Проблема беженцев: коалиционный ответ Прибалтийских стран

Иммиграционная политика стран Балтии с момента основания (или восстановления) их суверенной государственности в начале 1990-х годов была достаточно жесткой. Отчасти это было вызвано тем, что на их территории проживало большое количество этнически русских и других представителей бывших союзных республик, которые болезненно воспринимали как сам распад Советского Союза, так и образование независимых государств в Прибалтике. Тот факт, что юридически правительства Литвы, Латвии и Эстонии объявили свои страны правопреемниками самих себя образца 1940 года, т. е. до момента вступления в состав СССР, позволил им избирательно подойти к решению вопроса о предоставлении гражданства отдельным категориям населения. Так, Латвия и Эстония, в которых проживали значительные нелатвийские и неэстонские меньшинства, сформировали так называемое эксклюзивное право о гражданстве, которое не предполагало автоматического признания гражданами все проживающее на их территории население [34, р. 333]. Отсюда образовался феномен «неграждан» — советских переселенцев и их потомков, приехавших на территорию этих двух стран после 1940 года и в итоге не получивших латвийские и эстонские паспорта. Литва же, в которой на момент распада Союза проживало не так много представителей национальных меньшинств, напротив, предпочла инклюзивное право о гражданстве, наделив этим статусом все население [34].

Эти базовые установки трех стран в вопросах гражданства сыграли значимую роль в будущем становлении и развитии их миграционного законодательства. При этом политика Балтийских государств в отношении мигрантов и беженцев со временем становилась все более закрытой и эксклюзивной, а какая-либо координация в области миграции между Литвой, Латвией и Эстонией фактически отсутствовала [34, р. 333—336]. Ситуация стала меняться со вступлением этих стран в Европейский союз, когда они перешли от нескоординированной национальной миграционной политики к большей координации и унифика-

ции этой сферы в рамках общих институтов ЕС [35, р. 75, 82]. Однако статистика показывает, что несмотря на приложенные усилия, страны Балтии до последнего времени по-прежнему оставались самыми закрытыми странами ЕС в вопросе принятия беженцев: в 2014 году Литва предоставила статус беженцев только 75 подавшим заявления, Латвия — 25, а Эстония — 20 [36].

Когда по итогам первого полугодия 2015 года количество официально зарегистрированных беженцев в Европе составило более полу-миллиона человек [37] (почти столько же, сколько за весь 2014 год), странами ЕС при активном участии Германии и Франции стала разрабатываться коллективная и солидарная программа по разрешению кризисной ситуации. В качестве основного метода справедливого распределения беженцев между странами-членами Евросоюза был предложен метод обязательных квот, который предполагает, что каждая страна должна принять такое количество беженцев, которое будет пропорционально ее населению, объему ВВП, уровню безработицы и количеству поданных заявок на получение статуса беженца в прошлые периоды [38].

Это предложение вызвало резко негативную реакцию со стороны некоторых стран-членов ЕС, особенно среди Вышеградской группы, участники которой намеревались провалить решение¹ по расселению дополнительных 120 тыс. беженцев в соответствии с обозначенными выше квотами [39, р. 51—52]. Примечательно, что страны Балтии ранее в 2015 году уже приняли решение о добровольном размещении у себя некоторого количества беженцев (325 — в Литве, 250 — в Латвии и 200 — в Эстонии) [36]. Таким образом, Балтийские государства продемонстрировали приверженность общим принципам ЕС и проявили солидарность с тем странами ЕС, которые испытали наибольший наплыв беженцев. Однако они выступали против [40] обязательного распределения по квотам и увеличения количества расселяемых беженцев на 120 тыс. человек, в результате чего их добрая воля превратилась бы в обязанность, а нагрузка (число распределяемых) существенно возросла.

Следует отметить, что незадолго до голосования по данному вопросу устойчивая балтийская коалиция не могла сформировать единую повестку — поддержать коалицию вокруг Германии и Франции, выступающих за данное решение, или, напротив, объединиться со странами Вышеградской группы и попытаться его заблокировать. Более того, руководство Литвы, Латвии и Эстонии в вопросе о беженцах оказалось перед еще одной из принципиальных дилемм [41, р. 113—114] Европейского союза — соотношением между выполнением обязательств перед Союзом и обеспечением поддержки со стороны населения. Внутри стран Балтии не было единства: происходили массовые гражданские антииммигрантские выступления, правые партии и националисты в оп-

¹ Это решение активно лоббировал Председатель Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер.

позиции, а иногда и представители правительств этих стран высказывались против принятия квотной системы [42]. Одним из немногих политиков, требующих больше солидарности и поддерживающих «политику открытых дверей» канцлера ФРГ Ангелы Меркель в то время был президент Эстонии Тоомас Ильвес [38].

Окончательное решение о распределении дополнительных 120 тыс. беженцев должно было быть принято Европейским советом после его одобрения Советом министров внутренних дел и юстиции 22—23 сентября 2015 года. В итоге это решение было принято с большим трудом — квалифицированным большинством, при этом Финляндия воздержалась, а Венгрия, Чехия, Словакия и Румыния высказались «против» [39, р. 53] страны Балтии солидарно проголосовали «за», и в рамках новой квотной системы количество беженцев для Латвии, Эстонии и Литвы составило 526, 738 и 780 соответственно.

Несмотря на собственный многолетний опыт эксклюзивной и закрытой миграционной политики, вопреки серьезным разногласиям между партиями в парламентах и значительным риском потери популярности действующих правительств в глазах собственного населения, страны Балтии подтвердили приверженность стратегии «двойной» коалиции и сообща примкнули к побеждающей *ad hoc* коалиции, в которой их ближайшие крупные страны-партнеры выступали в качестве лидеров. Это решение в целом укладывается в логику поддержания образа надежного союзника, однако в его пользу выступают еще два весомых аргумента.

Во-первых, как пишут Веебель и Маркус, количество беженцев, приезжающих в страны Балтии, и его соотношение с численностью населения этих стран далеки от критических, а угрозы, связанные с этим вопросом, серьезным образом переоценены [43, р. 258]. Во-вторых, решение об обязательной квоте на беженцев, выданной Литве, Латвии и Эстонии, совершенно не означает, что эта квота будет выбрана. В отношении периферийных малых стран квотная система, введенная в 2015 году, оставляет большое пространство для фрирайдерства: с одной стороны, беженцы не желают отправляться в страны, где, как им кажется, условия их существования будут плохими, а уровень жизни низким [44]; с другой — даже разместившись в таких странах, как Прибалтийские, беженцы рассматривают их как перевалочный пункт, а затем отправляются в более благополучные, по их мнению, Германию или Швецию [45].

Таким образом, решение, которое поначалу представляется совершенно не выигрышным для Балтийских государств, на практике демонстрирует состоятельность коалиционной стратегии выживания малых стран в больших наднациональных объединениях, а фрирайдерский потенциал принимаемых таким объединением общих для всех решений позволяет им в значительной степени нивелировать возможные негативные последствия от его применения. При этом в таких ситуациях, как рассматриваемый нами кризис 2015 года, именно размер и геогра-

фическое положение малых стран становятся их ключевым преимуществом.

Заключение

Исследования показывают, что малые страны активно встраиваются в альянсы, формируемые более значимыми акторами международных отношений. Однако в целях проведения собственной повестки и увеличения своей значимости в таких больших объединениях они также склонны создавать «коалиции внутри коалиций» с участием стран со схожими интересами (во многом обусловленными общей географией), которые могут отличаться степенью институционализации и устойчивости. При этом малые страны в коалициях зачастую выступают в роли фрирайдеров, передавая издержки и политическую ответственность за принимаемые решения более крупным игрокам. Такая стратегия позволяет малым государствам обеспечить успешную реализацию своих интересов в больших альянсах и при этом экономить ресурсы.

Из всех опций, появившихся у малых государств Балтии с восстановлением независимости, именно интеграция в Европейский союз стала основным внешнеполитическим приоритетом в 1990-е годы. Присоединившись к ведущему политико-экономическому объединению на континенте и включившись в общеевропейские институты, Литва, Латвия и Эстония сформировали устойчивую малую коалицию и стали сообща реагировать на внешние и внутренние вызовы для ЕС. Более того, эти страны активно включались в создаваемые *ad hoc* коалиции по принятию решений в рамках Союза с участием крупных стран-лидеров.

Показательным стало то, что даже при принятии решений с неочевидной выгодой и высокими потенциальными рисками, как в случае с введением квотной системы распределения беженцев между странами-членами ЕС в 2015 году, малые страны Балтии продолжили действовать в логике «двойной» коалиции. Они вместе поддержали позицию внутриевропейской коалиции, выступавшей за солидарное решение этой кризисной ситуации посредством обязательного размещения беженцев на основе квот. Хотя такое решение вызвало серьезные дебаты внутри Балтийских стран и противоречило их миграционной политике, основанной на закрытости и эксклюзивности, его принятие, с одной стороны, упрочило их положение в глазах более крупных партнеров в ЕС, а с другой (как бы парадоксально это не звучало) — создало возможности для фрирайдерского поведения и минимизации реальных издержек от проявления общеевропейской солидарности.

Список литературы

1. *Dosenrode-Lynge S.Z. von.* Westeuropäische Kleinstaaten in der EG und EPZ. Chur ; Zürich: Rüegger, 1993.
2. *Small States Inside and Outside the European Union: Interests and Policies / ed. L. Goetschel.* Boston, 1998.
3. *Kirt R., Waschkuhn A.* Was ist und zu welchem Zweck betreibt man Kleinstaaten Forschung? Ein Plädoyer für die wissenschaftliche Beschäftigung mit klei-

nen Nationen // Kleinstaaten-Kontinent Europa: Probleme und Perspektiven / eds. R. Kirt, A. Waschkuhn. Baden-Baden, 2001. P. 23—46.

4. *Thorhallsson B.* The Role of Small States in the European Union. Aldershot, 2000.

5. *Neumann I. B., Gstöhl S.* Lilliputians in Gulliver's World? Small States in International Relations. Iceland; University of Iceland // Working Paper. 2004. № 1.

6. *Katzenstein P. J.* Small States and Small States Revisited // *New Political Economy*. 2003. Vol. 8, № 1. P. 9—30.

7. *Reiter D.* Crucible of Beliefs: Learning, Alliances and World Wars. N. Y., 1996.

8. *Alesina A., Spolaore F.* On number and size of nations // *Quarterly Journal of Economics*. 1997. Vol. 112, № 4. P. 1027—1056.

9. *Alesina A., Warsziarg R.* Is Europe going too far? // *Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy*. 1999. № 51. P. 1—42.

10. *Alesina A., Spolaore F., Warsziarg R.* Economic integration and political disintegration // *NBER Working Papers*. 1997. № 6163. URL: http://www.anderson.ucla.edu/faculty_pages/romain.wacziarg/downloads/separatism.pdf (дата обращения: 11.03.2016).

11. *Olson M.* The rise and decline of nations: Economic growth, stagflation and social rigidities. New Haven, 1982.

12. *Olson M., Zeckhauser R.* An economic theory of alliances // *Review of Economic Statistics*. 1966. № 48(3). P. 266—279.

13. *Pluemper T., Neumayer E.* Free-riding in alliances: Testing an old theory with a new method // *Conflict Management and Peace Science*. 2015. Vol. 32, № 3. P. 247—268.

14. *Chalmers M.* Sharing Security. The Political Economy of Burden-sharing. Macmillan, 2000.

15. *Han D., Kirchner E., Sperling J.* Sharing the Burden of Collective Security in the European Union // *International Organization*. 2009. Vol. 63, № 4. P. 789—810.

16. *Pastore G.* Small New Member States in the EU Foreign Policy: Toward 'Small State Smart Strategy // *Baltic Journal of Political Science*. 2013. № 2. P. 64—87.

17. *Mitchell W., Scheunemann L.* Small States and Geopolitical Change: The Case of the Czech Republic. URL: http://cepa.org/sites/default/files/documents/Mitchell-Scheunemann_Small%20States%20and%20Geopolitical%20Change_FINAL.pdf (дата обращения: 13.10.2016).

18. *Elgstrom O., Bjurulf B., Johansson J., Sannerstedt A.* Coalitions in European Union Negotiations // *Scandinavian Political Studies*. 2001. Vol. 24, № 2. P. 111—128.

19. *Hosli M. O.* Coalitions and Power: Effects of Qualified Majority Voting in the Council of the European Union // *Journal of Common Market Studies*. 1996. Vol. 34, № 2. P. 255—273.

20. *Lane J.-E., Mattila M.* Der Abstimmungsprozess im Ministerrat // *Europa der Buerger? Voraussetzungen, Alternativen, Konsequenzen* / eds. T. Konig, E. Rieger, H. Schmitt. Frankfurt, 1998.

21. *Mattila M.* Contested Decisions: Empirical Analysis of Voting in the European Union Council of Ministers // *European Journal of Political Research*. 2004. Vol. 43, № 1. P. 29—50.

22. *Kaeding M., Torsten J. S.* Mapping out Political Europe: Coalition Patterns in EU Decision-Making // *International Political Science Review*. 2005. Vol. 26, № 3. P. 271—290.

23. *Spyros B., Pagoulatos G.* Coalition Building in the EU: The Rise and Decline of the 'Southern Bloc. Fourth ECPR Pan-European Conference on EU Politics. Riga (Latvia) 25—27 September, 2008.

24. *Thorhallsson B.* The Role of Small States in the European Union. Ashgate, 2000.

25. *Klemenčič M.* Formal Intergovernmental Alliances in the European Union: Disappearing or Still Alive // Conference paper. EUSA. 3—4 March 2011.
26. *Wallace H.* An Institutional Anatomy and Five Policy Modes // Policy-Making in the European Union / Ed. H. Wallace, M. A. Pollack, A. R. Young. 6th ed. Chapter 4. Oxford, 2010. P. 69—106.
27. *Hosli M., Mattila M., Uriot M.* Voting Behavior in the Council of the European Union After the 2004 Enlargement // EUSA, Conference Paper. Los Angeles, 23—25 April 2009.
28. *Reynaud J., Lange F., Gaterek L., Thimann C.* Proximity in Coalition Building // EconPapers, 2008. 24 June.
29. *Ruse I.* Bargaining Power of Nordic-Baltic coalition in EU Council Negotiations, Paper presented at the ECPR Conference, Reykjavik 24—27 August 2011. URL: <https://ecpr.eu/filestore/paperproposal/87423dc8-0b1f-4d51-a0b4-0d7061f49de9.pdf> (дата обращения: 11.05.2015).
30. *Kasekamp A.* Baltic States and the EU: A Rocky Road From «Outside» Towards the «Core». URL: <http://www.institutdelors.eu/media/balticstateseu-history-politics-kasekamp-ne-jdi-july13.pdf?pdf=ok> (дата обращения: 17.06.2015).
31. *Ozonis A.* The Policies of the Baltic Countries Vis-à-vis the CSCE, NATO and WEU // The Foreign Policies of the Baltic Countries: Basic Issues. 1994. P. 49—50.
32. *Haab M.* Potentials and Vulnerabilities of the Baltic States // The Baltic States in World Politics / ed. B. Hansen, B. Heurlin. N. Y., 1998.
33. *Vilpišauskas R.* Lithuanian foreign policy since EU accession: Torn between history and interdependence // The New Member States and the European Union: Foreign Policy and Europeanization / Ed. M. Vaun, D. Marek. L. ; N. Y., 2013.
34. *Elson A.* Baltic State Membership in the European Union: Developing a Common Asylum and Immigration Policy // Indiana Journal of Global Legal Studies. 1997. Vol. 5, № 1. P. 317—340.
35. *Santel B.* Loss of Control: The Build-up of a European Migration and Asylum Regime, in Migration and European Integration: The Dynamics of Inclusion and Exclusion // Migration and European integration: the dynamics of inclusion and exclusion / ed. R. Miles, D. Thranhardt. L. ; N. J., 1995.
36. *Hyndle-Hussein J.* How the refugee issue is affecting the Baltic states. URL: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2015-09-23/how-refugee-issue-affecting-baltic-states> (дата обращения: 03.09.2016).
37. *Eurostat* Population and social conditions — Asylum and managed migration. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (дата обращения: 02.10.2016).
38. *Ramishvili T.* Baltic Nations and the Continuing EU Refugee Crisis. URL: <http://www.fpri.org/2016/01/baltic-nations-and-the-continuing-eu-refugee-crisis/> (дата обращения: 12.10.2016).
39. *Потемкина О.Ю.* Пространство свободы, безопасности и правосудия // Европейский Союз: факты и комментарии. 2015. № 80—81. С. 49—57.
40. *Latvia has most negative attitude towards refugees in EU.* URL: http://www.baltictimes.com/latvia_has_most_negative_attitude_towards_refugees_in_eu/ (дата обращения: 02.09.2016).
41. *Pettai V., Veebel V.* Navigating between Policy and Populace: Estonia, its Accession, Referendum and the EU Convention // Politique européenne. 2005. Vol. 15, № 1. P. 113—135.
42. *Ragozin L.* Latvians find unity in rejecting refugees. URL: <http://www.politico.eu/article/latvia-migration-asylum-crisis-baltics-eu/> (дата обращения: 05.06.2016).
43. *Veebel V., Markus R.* Europe's Refugee Crisis in 2015 and Security Threats from the Baltic Perspective // Journal of Politics and Law. 2015. Vol. 8, № 4. P. 254—262.

44. *Opening door to refugees, Lithuania says finds few takers.* URL: <http://www.reuters.com/article/uk-europe-migrants-lithuania-idUSKCN0SK2DT20151026> (дата обращения: 19.08.2016).

45. *Resettled in the Baltics, refugees flee for wealthier lands.* URL: <http://www.reuters.com/article/us-europe-migrants-baltics-idUSKBN13N0RY> (дата обращения: 12.10.2016).

Об авторах

Ирина Марковна Бусыгина, доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Россия.

E-mail: ira.busygina@gmail.com

Станислав Андреевич Климович, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Россия.

E-mail: sklimovich@hse.ru

Для цитирования:

Бусыгина И. М., Климович С. А. Коалиция внутри коалиции: страны Балтии в Евросоюзе // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 1. С. 7—26. doi: 10.5922/2074-9848-2017-1-1.

A COALITION WITHIN A COALITION: THE BALTICS IN THE EUROPEAN UNION

I. M. Busygina*
S. A. Klimovich**

* *Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)*
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454

** *National Research University Higher School of Economics*
20 Myasnitsky St., Moscow, 101000, Russia

Submitted on December 10, 2016

This article gives an overview of small power problem focusing on the behaviour of small power states within coalitions and their proneness to free riding. To pursue an independent agenda and increase their significance within large associations, the authors argue, small powers tend to create 'coalitions within coalitions', essentially acting as free riders and transferring costs and political responsibility for decision-making to larger players. Such an asymmetric strategy makes it possible for small powers to advance their interests within alliances and save resources. The authors test this hypothesis on the behaviour of the Baltics in the European Union. It is demonstrated that Lithuania, Latvia, and Estonia have created a stable small coalition within the EU and actively form ad hoc alliances with the leading

states to push union-level decisions, as it was the case with settling the migrant issue. In other areas, these states tend to benefit from the free rider behaviour.

Key words: small powers, coalitions, free riders, Baltics, European Union

References

1. Dosenrode-Lyng, S. Z. von. 1993, *Westeuropäische Kleinstaaten in der EG und EPZ*, Chur/Zürich.
2. Goetschel, L. (ed.), 1998, *Small States Inside and Outside the European Union: Interests and Policies*, Boston.
3. Kirt, R., Waschkuhn, A. 2001, Was ist und zu welchem Zweck betreibt man Kleinstaaten Forschung? Ein Plädoyer für die wissenschaftliche Beschäftigung mit kleinen Nationen. In: Kirt, R., Waschkuhn, A. *Kleinstaaten-Kontinent Europa: Probleme und Perspektiven*, Baden-Baden, p. 23—46.
4. Thorhallsson, B. 2000, *The Role of Small States in the European Union*, Aldershot.
5. Neumann, I.B., Gstöhl, S. 2004, Lilliputians in Gulliver's World? Small States in International Relations. Iceland; University of Iceland, *Working Paper*, no. 1, 28 p.
6. Katzenstein, P. J. 2003, Small States and Small States Revisited, *New Political Economy*, Vol. 8, no. 1, p. 9—30. DOI:10/1080/1356346032000078705.
7. Reiter, D. 1996, *Crucible of Beliefs: Learning, Alliances and World Wars*, N.Y.
8. Alesina, A., Spolaore, F. 1997, On number and size of nations, *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 112, no. 4, p. 1027—1056.
9. Alesina, A., Warsziarg, R. 1999, Is Europe going too far? *Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy*, no. 51, p. 1—42.
10. Alesina, A., Spolaore, F., Warsziarg, R. 1997, Economic integration and political disintegration, *NBER Working Papers*, no. 6163, available at http://www.anderson.ucla.edu/faculty_pages/romain_wacziarg/downloads/separatism.pdf (accessed 11.03.2016).
11. Olson, M. 1982, *The rise and decline of nations: Economic growth, stagflation and social rigidities*, New Haven, CT, 273 p.
12. Olson, M., Zeckhauser, R. 1966, An economic theory of alliances, *Review of Economic Statistics*, Vol. 48, no. 3, p. 266—279.
13. Pluemper, T., Neumayer, E. 2015, Free-riding in alliances: Testing an old theory with a new method, *Conflict Management and Peace Science*, Vol. 32, no. 3, p. 247—268.
14. Chalmers, M. 2000, *Sharing Security. The Political Economy of Burden-sharing*, UK.
15. Han, D., Kirchner, E., Sperling, J. 2009, Sharing the Burden of Collective Security in the European Union, *International Organization*, Vol. 63, no. 4, p. 789—810.
16. Pastore, G. 2013, Small New Member States in the EU Foreign Policy: Toward 'Small State Smart Strategy', *Baltic Journal of Political Science*, no. 2, p. 64—87.
17. Mitchell, W., Scheunemann, L. 2014. Small States and Geopolitical Change: The Case of the Czech Republic, *Prague Center for Transatlantic Relations*, no 8, available at http://cepa.org/sites/default/files/documents/Mitchell-Scheunemann_Small%20States%20and%20Geopolitical%20Change_FINAL.pdf (accessed 13.10.2016).
18. Elgstrom, O., Bjurulf, B., Johansson, J., Sannerstedt, A. 2001, Coalitions in European Union Negotiations, *Scandinavian Political Studies*, Vol. 24, no. 2, p. 111—128.

19. Hosli, M. O. 1996, Coalitions and Power: Effects of Qualified Majority Voting in the Council of the European Union, *Journal of Common Market Studies*, Vol. 34, no. 2, p. 255—273.
20. Lane, J.-E., Mattila, M. 1998, Der Abstimmungsprozess im Ministerrat. In: König, T., Rieger, E., Schmittm H. (eds.) *Europa der Buerger? Voraussetzungen, Alternativen, Konsequenzen*, Frankfurt.
21. Mattila, M. 2004, Contested Decisions: Empirical Analysis of Voting in the European Union Council of Ministers, *European Journal of Political Research*, Vol. 43, no. 1, p. 29—50. DOI: 10.1111/j.1475-6765.2004.00144.x.
22. Kaeding, M., Torsten, J. S. 2005, Mapping out Political Europe: Coalition Patterns in EU Decision-Making, *International Political Science Review*, Vol. 26, no. 3, p. 271—290.
23. Spyros, B., Pagoulatos, G. 2008, Coalition Building in the EU: The Rise and Decline of the ‘Southern Bloc’, *Fourth ECPR Pan-European Conference on EU Politics*, Riga, Latvia, 25—27 September, 2008.
24. Thorhallsson, B. 2000, *The Role of Small States in the European Union*, UK.
25. Klemenčič, M. 2011, Formal Intergovernmental Alliances in the European Union: Disappearing or Still Alive, *Conference paper*, EUSA, 3—4 March.
26. Wallace, H. 2010, An Institutional Anatomy and Five Policy Modes. In: Wallace, H., Pollack, M. A., Young, A. R. (eds.) *Policy-Making in the European Union*, 6th ed, Chapter 4, Oxford, Oxford University Press, p. 69—106.
27. Hosli, M., Mattila, M., Uriot, M. 2009, Voting Behavior in the Council of the European Union After the 2004 Enlargement», *EUSA*, Conference Paper, Los Angelos, 23—25 April.
28. Reynaud, J., Lange, F., Gaterek, L., Thimann, C. 2008, Proximity in Coalition Building, *EconPapers*, 24 June.
29. Ruse, I. 2011, Bargaining Power of Nordic-Baltic coalition in EU Council Negotiations, *Paper presented at the ECPR Conference*, Reykjavik, 24—27 August, available at: <https://ecpr.eu/filestore/paperproposal/87423dc8-0b1f-4d51-a0b4-0d7061f49de9.pdf> (accessed 11.05.2015).
30. Kasekamp, A. 2013, Baltic States and the EU: A Rocky Road From “Outside” Towards the “Core”. In: Grigas, A., Kasekamp, A., Maslauskaitė, K., Zorgenfreija, L., Buzek, J. *The Baltic states in the EU: yesterday, today and tomorrow. Studies & Reports*, no. 98, Notre Europe — Jacques Delors Institute, available at: <http://www.institutdelors.eu/media/balticstateseu-historypolitics-kasekamp-ne-jdi-july13.pdf?pdf=ok> (accessed 17.06.2015).
31. Ozonis, A. 1994, The Policies of the Baltic Countries Vis-à-vis the CSCE, NATO and WEU, *The Foreign Policies of the Baltic Countries: Basic Issues*, p. 49—50.
32. Haab, M. 1998, Potentials and Vulnerabilities of the Baltic States. In: Hansen, B., Heurlin, B. (eds.) *The Baltic States in World Politics*, New York, St. Martin’s Press.
33. Vilpišauskas, R. 2013, Lithuanian foreign policy since EU accession: Torn between history and interdependence. In: Baun, M., Marek, D. (eds.) *The New Member States and the European Union: Foreign Policy and Europeanization*, London & New York.
34. Elson, A. 1997, Baltic State Membership in the European Union: Developing a Common Asylum and Immigration Policy, *Indiana Journal of Global Legal Studies*, Vol. 5, no. 1, Article 15, p. 317—340, available at: <http://www.repository.law.indiana.edu/ijgls/vol5/iss1/15> (accessed 13.10.2015).

35. Santel, B. 1995, Loss of Control: The Build-up of a European Migration and Asylum Regime, in Migration and European Integration: The Dynamics of Inclusion and Exclusion. In: Miles, R., Thranhardt, D. (eds.) *Migration and European integration: the dynamics of inclusion and exclusion*, London.
36. Hyndle-Hussein, J. 2015, *How the refugee issue is affecting the Baltic states*, available at: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2015-09-23/how-refugee-issue-affecting-baltic-states> (accessed 03.09.2016).
37. Eurostat *Population and social conditions — Asylum and managed migration*, 2015, available at: <http://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (accessed 02.10.2016).
38. Ramishvili, T. 2016, Baltic Nations and the Continuing EU Refugee Crisis, available at: <http://www.fpri.org/2016/01/baltic-nations-and-the-continuing-eu-refugee-crisis/> (accessed 12.10.2016).
39. Potemkina, O. Yu. 2015, The space of freedom, security and justice, *Evropeiskii Soyuz: fakty i kommentarii*, no. 80—81, p. 49—57. (In Russ.)
40. Latvia has most negative attitude towards refugees in EU, 2015, *The Baltic Times*, 14 September, 2015, available at: http://www.baltictimes.com/latvia_has_most_negative_attitude_towards_refugees_in_eu/ (accessed 02.09.2016).
41. Pettai, V., Veebel, V. 2005, Navigating between Policy and Populace: Estonia, its Accession, Referendum and the EU Convention, *Politique européenne*, Vol. 15, o. 1, p. 113—135.
42. Ragozin, L. 2015, Latvians find unity in rejecting refugees, *POLITICO*, available at: <http://www.politico.eu/article/latvia-migration-asylum-crisis-baltics-eu/> (accessed 05.06.2016).
43. Veebel, V., Markus, R. 2015, Europe's Refugee Crisis in 2015 and Security Threats from the Baltic Perspective, *Journal of Politics and Law*, Vol. 8, no. 4, p. 254—262. DOI:10.5539/jpl.v8n4p254.
44. Sytas, A. 2015, Opening door to refugees, Lithuania says finds few takers, *Reuters*, Oct 26, available at: <http://www.reuters.com/article/uk-europe-migrants-lithuania-idUSKCN0SK2DT20151026> (accessed 19.08.2016).
45. Mardiste, D. 2016, Resettled in the Baltics, refugees flee for wealthier lands, *Reuters*, Nov 28, available at: <http://www.reuters.com/article/us-europe-migrants-baltics-idUSKBN13N0RY> (accessed 12.10.2016).

The authors

Prof. Irina M. Busygina, Department of Comparative Political Science, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Russia.

E-mail: ira.busygina@gmail.com

Stanislav A. Klimovich, PhD student, National Research University Higher School of Economics, Russia.

E-mail: sklimovich@hse.ru

To cite this article:

Busygina, I. M., Klimovich, S. A. 2017, A Coalition within a Coalition: The Baltics in the European Union, *Balt. reg.*, Vol. 9, no. 1, p. 7—26. doi: 10.5922/2074-9848-2017-1-1.